

М. П. ПОГОДИН

ПОВЕСТИ
ДРАМА

Михаил Петрович Погодин

Психологические явления

«Убийца» с подзаголовком «анекдот» впервые напечатан в «Московском вестнике» за 1827 г., ч. V, № XX, с. 374–381; «Возмездие» — там же, ч. VI, № XXIV, с. 404–407 со следующим предисловием: «(Приношу усердную благодарность А. З. Зиновьеву, рассказавшему мне сие происшествие. В предлагаемом описании я удержал почти все слова его. — В истине можно поручиться».

При сем случае я не могу не отнестись с просьбою к моим читателям: в Русском царстве, на пространстве 350 т. кв. миль, между 50 м. жителей, случается много любопытного и достопримечательного — не благоугодно ли будет особам, знающим что-либо в таком роде, доставлять известия ко мне, и я буду печатать оные в журнале, с переменами или без перемен, смотря по тому, как того пожелают гг-да доставляющие.) М. П.» (с. 404).

А. З. Зиновьев (1801–1884) — университетский товарищ Погодина, педагог, преподаватель русского и латинского языков в Московском университетском благородном пансионе.

Остальные повести, составляющие этот цикл, впервые напечатаны в «Повестях Михаила Погодина».

Содержание

УБИЙЦА.....	0005
ВОЗМЕЗДИЕ.....	0013
КОРЫСТОЛЮБЕЦ.....	0017
НЕИСТОВСТВО.....	0023
ЛЮБОВЬ.....	0027
ИСКУШЕНИЕ.....	0028

Михаил Петрович Погодин

Психологические явления

УБИЙЦА

Путешественник, проезжая ... город ...ой губернии, видит: народ густою толпою валит по одной улице. В середине идет несколько гарнизонных солдат с желтыми воротниками, между ними священник и молодой человек лет двадцати трех в смуром кафтане, не подпоясанный, без шапки. На всех лицах приметно какое-то участие. Все провожающие кричали ему в один голос: «Покайся, повинися, твой грех, покайся!» Он шел в безмолвии, как будто бы один, погруженный в прискорбную думу, и между тем с надеждою увидеть что-то приятное и утешительное. — Это явление поразило путешественника тем более, что на лице молодого человека не видать было следов ни порока закоснелого, ни преступления нечаянного. Он вышел из коляски, вмешался в толпу, стал прислушиваться к речам своих спутников и расспрашивать старуху, которая подле него вслед за другими ковыляла, опираясь на длинный свой костыль.

— Кого это ведут, бабушка?

— Андрея, нашего дорогого Андрея.

— Что он сделал такое?

— Он погубил две души христианские.

— Он погубил две души, а ты сожалеешь о душегубце?

— Родимый, враг[1] и горами качает, а людьми что веником трясет. Грех такой случился над Андреем. Он у нас был добрый человек. Не нажать нам такого больше. Всякому он рад был услужить: нищему — последнюю рубаху снимал с плеча, от кафтана отрывал полу. Намедни у меня захромала сивая, — я покучилась[2] ему, — и он, голубчик мой, на себе перевез мне две гряды огурцов. — Ах, Дмитриевна, что с тобою бы случилось, если бы ты дожила до сего дня, если бы твое родимое детище при тебе подняло руку!.. Умолила ты господу, что он прибрал тебя заранее. Чай, в могилке-то ворохнулись твои косточки!

Любопытство путешественника возрастало, и он не прерывал ответов старухи, которая с такою охотою и искренностию с ним разговорилась, и продолжал делать ей вопросы.

— А кого погубил Андрей?

— Он зарезал, бают, свою жену и тещу. —

Мать пресвятая богородица! прости его прегрешение! Да не из подъячих[3] ли ты, батюшко, что так притоманно[4] меня расспрашиваешь. Я человек старый, ничего не знаю. Так другие болтают.

— Нет, бабушка, я проезжий. — Жалко мне вашего Андрея. Да разве он не любил своей жены?

— То-то и беда, батюшко, что он любил ее без памяти. Бывало, не нарадуется на нее. Выйдут на улицу о празднике — глаз с нее не сводит, так, слышь ты, стенью и ходит за нею. И женился-то он на ней — году еще нет, летась — перед Михайловым днем. Дмитриевне — покойнице, нечего сказать, не хотелось женить его на Прасковье. Знать, ее сердце материнское чуюло беду неминучую. Да приступил-то он к ней круто. «Благослови, матушка, а не то — не видать тебе больше меня. Веревку на шею и записывай в поминанье: без Парашаи мне свет божий постыл». Нечего делать. Старуха благословила, и они обвенчались. Дмитриевна жила с ними недолго, недель с тридцать. Она умерла о святой[5], на самую заутреню. Бог сподобил ее царства небесного

за добрую душу.

— С чего же после размолвились молодые?

— Андрюша стал ревновать свою жену.

— И справедливо?

— Бог ведает, батюшко. Чужая душа темна, да и мудроно ведь судить мужа с женою.

— А признался ли он в своем преступлении?

— Нет, батюшко, он все, слышь, молчит и ничего не сказывает.

— А куда ведут теперь его?

— Стосковалось больно ему по Параше. Он пал к судьям в ноги и просил их Христа ради, чтоб пустили его на ее могилу. Они у нас добрые люди, дай бог им здоровья, и позволили ему. Да как и не позволить! Все наплакались, слышь ты, на него, глядя на его страсти. Так на стену и лез он в тюрьме. Пустите, да и только, отведите душу.

Между тем мы вышли из города. В стороне подле дороги видно было несколько деревянных крестов. Несчастный изменился в лице. Сердце его, казалось, вылететь хотело. Глаза заблестали, как будто бы он надеялся еще

увидеть свою подругу, живую и любящую. Он удвоил шаги.

— Где она, где? — спросил он дрожащим голосом.

— Здесь, — отвечал священник, указывая на свежую могилу, только что засыпанную.

— Душа моя Параша, здесь ли ты? откликнись другу! — воскликнул он громко и пал на колена без памяти. Слезы в три ручья полились из глаз его. Он разрывал руками землю, целовал ее, рвал на себе волосы, ломал руки. Изредка вырывались у него глухие слова, невнятные вопли.

— Параша, ты обманула меня? Зачем ты обманула меня?

Все предстоявшие были тронуты и с чувством сердечного сострадания смотрели на несчастного преступника. Никто не смел мешать порывам его отчаяния. Все было тихо. У многих на глазах были видны слезы. Самые солдаты утирались кулаками.

Священник прервал наконец молчание. Он приблизился к несчастному и сказал ему:

— Именем бога всеведущего заклинаю тебя сказать правду, отклонить подозрение от

невинных...

— Развяжи свою душу, наш добрый Андрей, — раздалось со всех сторон.

— Виноват пред богом и государем, — воскликнул бедный Андрей, встав стремительно. — Я убил ее, ведите меня на суд.

— Добрые люди, — сказал он, оборотясь к предстоявшим, — прощайте, не поминайте меня лихом. Помолитесь о моей душе.

Все зарыдали...

Путешественник воротился опять с толпою в город, познакомился нарочно с судьями и расспросил о несчастном. Слова старухи подтвердились. Андрей Горячий, так называли его в городе, мещанин, женился по любви на молодой городской девушке, также мещанке. Старуха, мать его, умерла вскоре после свадьбы своего любимого сына, и место ее в доме заступила теща. Все они трудами рук своих снискивали себе пропитание, жили согласно и не знали, что такое горе на свете. — На беду, пришел к ним в город гусарский полк стоять постоем. Молодой вахмистр, остановившийся подле Андреевой хижины, моло-

дец собою, лукавый и проворный, оболстил легковерную жену Андрея. Сначала долго не имел сей последний подозрения на свою Парашу, потом долго не верил своим подозрениям, но наконец убедился: однажды ввечеру, под злой час, сошелся он в харчевне с своими товарищами, которые в разговоре ясно дали заметить ему, что жена его неверна, и потом представили доказательства. Взволнованный воротился он домой. Параша в самом деле не было. Сердце у него закипело, и он, хмельной, схватился за нож, лежавший на столе подле хлеба. В ту минуту она входит. «Где ты была?» — закричал он на нее страшным голосом. Виновная остолбенела, и едва успела выговорить, что была в гостях у своей кумы, как он в бешенстве вонзил нож ей в сердце. Она вскрикнула и упала; мать выбежала из клетки. «Андрей, что ты делаешь?» — чуть могла произнести старуха, увидя кровь своей дочери, бьющую ключом из раны. Он зарезал и ее. Первою мыслью представилось ему бежать. Он бросился к сундуку, вынул все деньги, которые там были, выскочил поспешно из избы и заднею калиткою в поле. — Там он опом-

нился. Ему жаль стало своей Параши, которую любил он всем сердцем. Он захотел проститься с нею и взять у ней с руки венчальное кольцо себе на память и воротился. Пальцы уже затекли у погибшей, и между тем как он старался сорвать кольцо, прибежали соседи, схватили его, оттащили от бездыханного трупа его жены и предали суду.

ВОЗМЕЗДИЕ

Несмысленные, в слепоте своей не видя сокровенной связи между происшествиями, думают, что и нет ее, и все приписывают случаю. Благоразумные признаются в своем невежестве и уверены, что случай есть только раб вечных законов, вне коих ни один властитель с главы нашей упасть не может. Мудрым предоставлено постигать сии законы, и Ньютоны обнажают с благоговением голову, говоря о боге, вечной причине всего.

Происшествия различны. На одних, как и на вещественных произведениях, высшая печать напечатлевается глубже, явственнее, нежели на других, и смотря на такие даже близорукими глазами, мы необходимо должны бываем допустить что-то, пока для нас непостижимое. Вот предисловие к нашей были.

Иван Петрович в торговом городе У. при таможене был смотрителем пакгаузов, в которых хранились разные товары на казенной ответственности. Однажды он прельстился какими-то редкими кружевами, которые, не

знаю как, туда попались, и подговорил двух сторожей, старых инвалидов, подменить дорогие кружева другими, дешевыми, обещая им награду и защиту в случае нужды. Те согласились, и дело было сделано. — Но вскоре подмен был замечен другими чиновниками, и Иван Петрович, как смотритель, должен был сам донести директору о случившемся. Что было делать ему? Он решился на новое преступление и, чтоб сложить правдоподобнее вину с себя, обвинил сам сторожей, им подученных. Обстоятельства говорили против несчастных. Напрасно свидетельствовали они в суде на своего доносителя. Им не поверили и осудили их на торговую казнь[6] и ссылку на поселение. Смотритель должен был присутствовать при совершении наказания. Кровь их брызнула на преступника; и один старый инвалид, страдая под ударами, горьким голосом сказал, оборотясь к своему губителю: «Бог тебе судья, Иван Петрович!» Тем, по-видимому, все и кончилось.

Прошло несколько лет. Иван Петрович остался по-прежнему при своей должности. Однажды приезжает в тот город из дальней

губернии какой-то дворянин для хождения по делам и останавливается у него, как у старого своего знакомого. С дворянином было 10 000 р. денег, в шкатулке, которую он разбирает пред своим хозяином. — Сей последний совет своего гостя на другой день прогуляться по городу и осмотреть достопримечательности. Гость соглашается с удовольствием, и приятели отправляются. Дорогою чрез несколько часов приезжому гостю становится дурно. Он просит хозяина воротиться домой. Хозяин, напротив, желая рассеять его головную боль, предлагает продолжать прогулку — и наконец к вечеру уже возвращаются они к себе. — Что же находят там они? — Мальчик дворянина зарезан, шкатулка разбита, деньги похищены.

И гость, и хозяин без памяти. Похищенные деньги составляли все имение дворянина, и он, в таких критических обстоятельствах, доносит правительству о своем несчастье. Все говорило против Ивана Петровича, хотя он в этом деле был виноват еще менее сторожей в прежнем. По многим подозрениям (приглашению гулять, желанию продолжать прогулку

ку и еще каким-то обстоятельствам) судьи обвиняют Ивана Петровича и осуждают его на ссылку в Сибирь. Несчастный хочет спастись бегством. Его поймали и увеличили наказание; так получил полное возмездие преступник!

Через несколько лет последнее дело открылось. Убийцы мальчика и похитители денег найдены, и Ивана Петровича, как невинного, возвратили из ссылки и дали ему казенное место.

Однажды прежний директор, при котором похищены были кружева, гуляя с ним около пакгаузов, сказал ему: «Что, Иван Петрович, верно кровь несчастных инвалидов пролилась недаром?» — «Богу виноват», — отвечал раскаявшийся преступник.

Добродетельною своею жизнью после он успел, говорят, загладить преступления своей молодости.

КОРЫСТОЛЮБЕЦ

У одного Тульского купца по окончании Ильинской ярмарки[7] в Ромне собралось в выручке тридцать тысяч рублей ассигнациями. Отправляясь домой на долгих[8] вместе с тремя попутчиками, не коротко знакомыми, он, чтоб не держать денег в виду и не вводить никого в соблазн, увязал их крепко-накрепко в старые сапоги и бросил в кибитку под передок, как вещь нестоящую. Разумеется, на всякой станции, на всяком ночлеге он осматривал и ошаривал заповедное место, потихоньку или под разными предложениями и уверялся в целости своего сокровища. Но — упасешься ли от беды! В Орле, до которого была нанята тройка, на постоялом дворе, где они остановились, пировали приятели нашего купца, выехавшие раньше его из Ромна. Лишь только увидели они его из окошка, выбежали за ним на улицу, потащили за собою и — ну подчивать на радостях лиссабонским вином. Слово за слово, тот заговорился с ними; а между тем другой седок, который заведовал общими путевыми издержками, расплатился с извоз-

чиком и отпустил его. — Мой купец, опомнившись, скорее из горницы к повозке, глядь — извозчика и след простыл. В глазах потемнело у несчастного. — Куда выехал извозчик? Дворник не знает. Туда-сюда, спрашивать, не видал ли кто такого-то Филиппа черного, с коротенькой бородкою, на тройке гнедых лошадей, дуга крашенная, кибитка с узорами. Никто не приметил! Он кинулся по постоянным дворам — нет нигде. Сгиб да пропал. — Что делать? Пуститься в погоню? Но по всем дорогам вдруг ехать нельзя, а настоящей он не знает, и никто указать не может. — Объявить о пропаже? Но слух дойдет до извозчика, и он или другой кто удобно воспользуется случаем и утаит, украдет деньги, которые теперь могут еще уцелеть. — Купец, потужив и поплакав про себя, решил молчать и выждать, не попадется ли ему где-нибудь извозчик и его кибитка. — С сим намерением и надеждою он отправился домой, не подавая и виду, что с ним случилось несчастье.

Что же? Через два месяца на Успенской ярмарке в Харькове идет он вечером из рядов к себе на квартиру — извозчик прямо ему в гла-

за. Мой купец побледнел, но тотчас оправился и, чтоб не подать никакого подозрения, завел речь издалека.

— А, Филипп; здорово, старый знакомый.

— Здравствуйте, батюшко; как вас бог милует?

— Помаленьку, да где ты пропал из Орла намедни? я не успел и спасибо сказать за твою службу.

— Спешил домой; наша деревня ведь подгородная.

— Так ты до сих пор пировал все дома, никого не возил, ленивец?

— Как не возил! Я в Королевце ссадил трех седоков, да вот уж и оттуда сюда поспел, все не порожним.

— А — ты прокатился немало. Чай, растрясло твою тележонку. Ведь ты в ней ездил? или она дома оставалась?

— Нет, батюшко, за мою тележонку в Королевце полтора ста рублей... — купец вздрогнул... — давали мне, да я и не подумал отдать, я ведь за колеса одни летась[9], к Миколе[10], заплатил пятьдесят рублей. Пожалуй, хоть вашу милость свезу в ней куда угодно.

— А мне и в самом деле пора собираться в дорогу. Я смеюсь: кибитка твоя мне понравилась, преспокойная. Здесь она у тебя или в деревне?

— Здесь.

У купца подкосились коленки, насилу мог он удержаться. Слава богу, думал он, из слов извозчика незаметно ничего особенного; он в руках; кибитка цела, в городе, и, кажется, не была нигде без хозяина. Оставался, однако ж, еще вопрос, главнейший: целы ли старые сапоги? Не выбросил ли, не утащил ли их кто на станциях или в деревне?

Дрожащим голосом возобновляет речь купец.

— Да что, Филипп, теперь рано. Сем-ка я посмотрю еще на повозку: поместимся ли мы в ней четверо с поклажею?

— Извольте, батюшко, я стою недалеко отсюда за рекою. Пойдемте.

Отправились, пришли. Кибитка стоит перед купцом, как в ту минуту, когда он сел в нее с тридцатью тысячами рублей.

— Хорошо, Филипп, — сказал он, обхаживая ее и бросая проницательные взоры под

передок, — приходи завтра ко мне в лавку. Мы уладимся. — Да! я и позабыл спросить тебя: не вынимал ты ничего из передка?

— Там ничего нет.

— Как ничего? Не видал ли ты... старых сапожонков... они, правда, некорыстные... да мальчишке годятся на дорогу... Посмотри-ка! Сделай милость!

— Пожалуй утрась я пороюсь в сене. Разве завалились куда.

— Нет, посмотри-ка лучше теперь.

— Извольте, — и извозчик полез в повозку — решительная минута! — Там он стал перетряхивать и выбрасывать сено. — Нет ничего, кажется... — купец дрожит как осиновый лист... — Вот веревки... вот запасная пристяжка... гвозди... а это что... фу... задохся от пыли... вот они! куда запропастились, проклятые.

— Здесь! — воскликнул купец, — бросай их скорее.

Сапоги точно его, целы, невредимы и увязаны, как будто вчера положены. Он обеспамятел почти от радости и не мог удержать своего восторга.

— Друг мой, Филиппушка! поди-ка сюда. Ведь в сапогах-то у меня были зашиты тридцать тысяч рублей! — и извозчик в самом деле видит пред собою свертки ассигнаций, синеньких, красненьких, беленьких, все новенькие, с иголочки. — Ай, ай, ай!

Купец дает ему сто рублей и, не слыша земли под ногами, стремглав домой, таща под полою возвращенное сокровище.

И извозчик в барышах: даром получил он сто рублей.

Верно он очень обрадовался такой нечаянной находке?

На другой день поутру он — *удавился*.

НЕИСТОВСТВО

Дядя с племянником, крестьяне из одного села в Кобеляцком повете[11], ходили, как обыкновенно это водится в Малороссии, на заработки, за Самару, — косить сено от Петра дня и до Покрова[12]. Домой воротились они с такою суммою денег, которой довольно им было на обыкновенные зимние нужды. Но дяде, человеку пьяному, не достало их и до Мыколина дня: загуляв не в добрый час, он промотал большую половину своей казны на вино, музыку и варенуху[13]. — А между тем к божьему празднику ничего не было приготовлено, подушные не внесены, рекрутские не выплачены, и голова не давал ему отдыха за недоимками, грозил посадить в колоду и представить в волостное правление. — Напрасно просил он у него отсрочки, давал в залог домашний скарб, обещал молотить у него даром две недели — ничто не помогало, и притесненный крестьянин решился попросить денег в заем у племянника.

Этот не расположен был ему дать, потому ли, что мало надеялся на его исправность, по-

тому, что ли, что они в самом деле были самому ему нужны.

— Рижство пидходить, — так отговаривался он пред дядею: — треба жинци очинок купыть и плахту, да и соби чоботы.

Как сей последний ни убеждал его, как ни просил, что ни обещал, племянник стоял на своем и не ссудил его ни шелягом[14].

— Так будеш жалковать, — примолвил сквозь зубы рассерженный малороссиянин и ушел от него.

Дня через четыре, поздно вечером, когда уж все ложились спать, стучится он к племяннику в окошко.

— Яковец, Яковец, та выдь швыдче на двир, ты не бачышь, що у тебе на огороди робыться, свыньи на току весь хлеб перебурованы.

Племянник поскорее накинул на себя свитку[15] и бегом в огород. — У калитки дожидался его дядя и изо всей силы ударил обухом по голове так, что тот без малейшего крика повалился на землю. Оттащив тело к стороне, спешит он опять к окошку:

— Та пиды, бисова жинка, пособы мужу

выгнать свиней з огорода; вин одын сердега
ничого не зробыть.

Молодая выбегает — ее уж на крыльце
встречает нетерпеливый злодей и также од-
ним ударом кладет на месте. Остервенелый, с
топором в руках, бросается он потом в избу. —
Там по лавкам спало шесть девок, пришед-
ших было к веселой Настюсе на досветки[16].
Одну за другой колотит он их по головам, на-
конец ребенка в люльке и, дымящийся кро-
вию, оставляет опустошенное жилище. Поут-
ру спокойно едет в город и ходит по базару.
Его встречает там голова:

— Ты не чув, що с твоим племянником зро-
былось?

— Ни, — отвечает он спокойно.

— Яго хтось убыв, и жинку его, и дытыну,
да ще дивчат до десятка.

— Та се я их угомоныв.

— Чи справды?

— Далыби я.

Голова доносит в суд. Преступника хвата-
ют и приводят к допросу.

— За что ты убил племянника?

— За то, що вин мене николы не вважав,

покинув мене без копейки рады праздника
господня, не хотев пособить в нужде.

— А жена его что тебе сделала?

— Та як бы не вона, вин бы не мудровав
так передо мною: мужик да жинка — один
черт.

— Ребенка за что же?

— Та щоб поганого роду и на свете не було.

— Но что ж тебе сделали чужие девки? За
что ты их перебил?

— Та так, рука расхотылась.

ЛЮБОВЬ

Колодник, в остроге, влюбился в колодницу. — Но им недолго оставалось жить вместе; дело их подходило к концу, и они подлежали разным наказаниям: он — каторжной работе, она — ссылке на поселение. — Торговые казни были также соразмерны, одна другой ужаснее.

Что же она сделала? Она искусно взвела на себя новые преступления, чтоб получить наказания жесточайшие, но одинакие.

По исполнении приговора их погнали в Сибирь. — Вдруг на дороге получается известие: по вновь открывшимся обстоятельствам вина преступника оказалась меньшею, и потому он вместо работы осуждается только на поселение. — Опять должно разлучиться.

Как поступил он? он упрощивает одного из своих товарищей взять на себя при перекличке его имя с меньшим наказанием, а сам все-таки идет копать руду вместе с своею возлюбленною. — Каковы жертвы!

ИСКУШЕНИЕ

С пятой недели поста, по окончании Сумской Сборной ярмарки до Вознесенской в Ромне, многие купцы и приказчики, пользуясь свободным временем, отправляются на наемных тройках с знакомыми извозчиками в южные губернии для собрания долгов с тех должников, которые по каким-либо обстоятельствам не выезжали на предыдущие торги.

Один из них, побывав в Таганроге, Одессе, городах Крымских, исправив там все свои дела и собрав денег тысяч восемнадцать, возвращался в Харьков весеннею ростополью.

Однажды вечером едет он по какой-то новой дороге, только что проложенной в объезд около большой для сокращения пути. Грязь непроходимая, и колеса беспрестанно увязают. Лошади усталые чуть-чуть уж передвигают ноги, а на дворе темнеет темнее и темнее. По небу ходят тучи; не видать ни звезд, ни месяца. Начал порошить мелкий частый дождик. И ветрено, и холодно. К тому же и навстречу никого не попадается. Дорога суч-

ная: всё перелески; то надо спускаться с горы, то подниматься на гору. Купцу стало жутко, и он несколько раз принимался бранить своего извозчика, зачем оставил столбовую дорогу, по коей ехать было бы хоть дальше, но веселее. — В стороне показались три мужика, но вдруг пропали из виду и не поравнявшись с повозкою. — Это возбудило подозрение в купце, который давно уже слышал, что здесь иногда пошаливают.

— Погоняй, Дмитрич, где хорошо, — твердил он беспрестанно, оглядываясь со страхом по сторонам. Долго таким образом он всматривался во всякий пенёк, стоявший при дороге, прислушивался ко всякому шуму в деревьях и наконец уснул с утомленного внимания... Как будто лукавый тогда шепнул что-то извозчику на ухо. Он вздрогнул и задумался. Кругом темнота. В стороне глубокий овраг, поросший кустарником; ни слуху ни духу людского. Какое место удобнее? Какое время благоприятнее? А денег столько, что не проживешь с детьми. — Извозчик... решился убить купца и остановился.

— Что ты, Дмитрич? — спросил тот, про-

бужденный внезапною остановкой.

— Шлея развязалась, — отвечал смутившийся извозчик, соскочил с облучка и подошел к лошадям.

— Скорее, брат, — пробормотал впросонках купец и повернулся на другой бок. Извозчик молча сел опять и поехал, а купец захрапел громче первого. — Но голова извозчика уж закружилась около одной мысли, поглотившей все прочие; место вышло опять глухое, точь-в-точь как прежнее... Злодей останавливается, хватает топор, заносит его над главою своей спокойной жертвы, — но руки у него ослабли, и он не мог нанести удар. Не оставляя, однако ж, своего намерения, тотчас он разложил петлю около шеи несчастного купца и рванул ее за конец так ловко и крепко, что тот умер, удавленный, не вздохнувши.

Но такие смертоубийства встречаются нередко, скажут читатели. Что здесь необыкновенного? А вот что здесь необыкновенного: этот извозчик был знаком с купцом двадцать один год, получал от него многие благодеяния; пользовался всею доверенностию, возил его по всем ярмаркам с суммами гораздо зна-

чительнейшими, которые оставались у него даже иногда под сохранением, славился издавна честностию между своими товарищами и вполне был достоин своей славы. Не только преступления, за ним неизвестно было никакого проступка.

В самый злой час, когда он решился убить купца, совесть его еще не совсем была усыплена, и он побоялся, в случае неудачного удара, услышать знакомый голос, крик своего благодетеля, которого не надеялся вынести; потому-то, как признался после пойманный, вздумал он удавить его и кончить дело тише и скорее.

Что же из этого следует?

Бывают, кажется, минуты, в которые человек чувствует какое-то поползновение ко злу, как бывают равномерно и другие, когда он готовее на всякое добро. От чего зависят первые: от дьявольского ли наваждения, как мне пришлось сказать к слову в простом рассказе, или от какого-то умственного внезапного помешательства, сердечной слабости, или от всего этого вместе, или наконец от чего другого — я не знаю; но в историческое доказатель-

ство таких минут чуть ли не лъзя привести и эту быль, слышанную мною на постоялом дворе, на пути в Малороссию.

Примечания

Враг — здесь: дьявол.

[^^^]

2

Покучилась — попросила.

[^^^]

Подьячий — судебский чиновник.

[^^^]

4

Притоманно — здесь: истово.

[^^^]

...О СЯТОЙ — на пасху.

[^^^]

6

Торговая казнь — наказание кнутом на торговой площади.

[^^^]

Ильинская ярмарка — ярмарки обычно приурочивались к церковным праздникам. Ильинская ярмарка — ко дню Ильи-пророка (20 июля).

[^^^]

8

...на долгих — на одних и тех же, не сменных лошадях, которым надо давать отдых и корм.

[^^^]

9

Летась — прошлым летом, в прошлом году.

[^^^]

...к Миколе — ко дню св. Николая.

[^^^]

Повет — уезд, часть области или губернии со своим управлением.

[^^^]

12

Петров день — 29 июня, праздник Покрова — 1 октября.

[^^^]

Варенуха (укр.) — напиток из навара водки и меда на ягодах и пряностях.

[^^^]

...ни шелягом — ни грошом (шеляг — игрушечная, неходячая монетка).

[^^^]

Свита (укр.) — широкая длиннополая верхняя одежда.

[^^^]

Досветки — посиделки, которые начинаются не с вечера, а вскоре после полуночи, до рассвета.

[^^^]